

Мерцание звезды

В Москве, в открытие фестиваля искусств «Триумф», дала единственный концерт знаменитая американка Кэтлин Бэттл

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»



НАТАЛИЯ ПОГИБОВА

Этого визита просвещенные оперные фанаты ждали лет двадцать. И вот, наконец, свершилось: самая своенравная и дорогая дива приехала в Россию. Слухи о ее несносном характере оказались несколько преувеличены. Нет, конечно, небольшую сценку в отеле она учинила, добиваясь того, чтобы постель была убрана строго по ее вкусу, но мир не знает ни одной уважающей себя примадонны, которая отказывала бы себе в удовольствии гостиничного скандалчика. Кроме того, госпожа Бэттл выкинула еще пару причуд. Например, направляясь из аэропорта в отель, она покинула машину и около часа просидела в придорожном интернет-кафе, читая свою электронную почту. А также потребовала, чтобы ее непременно отвезли на рынок (именно там американские друзья посоветовали ей купить шубу). Но, похоже, продюсер концерта Александр Краутер все-таки нашел ключик к сердцу красавицы. «День начинается и заканчивается подарками», — заметил он. Фаворитами Бэттл оказались самые разнообразные матрешки, которым она радовалась, как ребенок. А от оренбургского пухового платка певица просто пребывала в восторге и даже появилась в нем на ужине после концерта. Всю неделю, что Кэтлин была в Москве, она пребывала в прекрасном расположении духа и постоянно улыбалась.

На репетиции Бэттл явно наслаждалась акустикой Большого зала Консерватории, а в работе с дирижером, объясняя свои музыкальные взгляды, проявляла просто ангельское терпение. Казалось, ее, певицу, выступавшую со всеми великими маэстро — от Караяна до Левайна, откровенно забавляла непо-

нятливость главного (по должности) российского дирижера.

Согласно программе, Кэтлин Бэттл не собиралась петь много: пара итальянских арий и мотет Моцарта. Так что концерт начался длинным симфоническим вступлением. Государственный академический симфонический оркестр России под управлением Марка Горенштейна долго пытался выдать за музыку Бизе к драме «Арлезианка» несвязный нотный «камнепад». Публика мужественно терпела, судорожно пересчитывая количество частей в произведении (коих оказалось семь). И после, уже вслед за объявлением первой арии, ожидание тянулось еще минут пять. Зал замер в тревожном ожидании: неужто Кэтлин Бэттл вообще не выйдет на сцену?! Но еще секунда, и дива выплыла из-за кулис в строгом черном платье

из бархата, завернутая в золотой шелковый шарф, сверкая ослепительной улыбкой. Увидев переполненный зал, Бэттл, последнее годы ведущая уединенную жизнь и редко дающая концерты, кажется, даже чуть растерялась. Она спела речитатив и романс Джульетты из оперы Беллини «Капулетти и Монтеки» и речитатив и каватину Линды из оперы Доницетти «Линда ди Шамуни». В начале второго отделения публику ждало еще одно испытание от оркестра — «Маленькая ночная серенада» Моцарта, которая выглядела уникально бессмысленной и безликой. Уже точно, будь ГАСО Марка Горенштейна первым исполнителем музыки этого композитора, еще много столетий человечество не признало бы в Моцарте гения. После этой совсем не маленькой муки появилась героиня вечера. Все в

том же черном платье, но уже украшенном ярко-малиновым шарфом. И исполнила мотет Моцарта Exsultate, jubilate.

Поклонники строгой музыкальной дисциплины могли упрекнуть певицу в пренебрежении общепринятыми темпами и ритмами и в том, что ее знаменитому сопрано не хватает мощи, легкости и «длины» дыхания. Похоже, сама Бэттл прекрасно знает все свои уязвимости и старательно прячет их в очаровательном актерстве и в невероятной, неожиданной пластике каждой спетой ею фразы. Это феерическое «трюкачество» лишь подчеркивает ее пронзительную музыкальность: она ни разу не позволила себе расстроить авторский стиль. Жаль только, что ей так и не удалось найти взаимопонимание с громящим оркестром. Кэтлин Бэттл, та, которую боялись и боятся все дирижеры мира, была смиренна и растрогана теплым приемом, криками «браво!» и охапками роз. Она старательно произносила *bolshoye спасибо*, пожимала руку дирижеру, снисходительно ему улыбалась (хотя имела полное право на непарламентские выражения). И, быстренько напев на бис соло Лауретты из «Джанни Скикки» Пуччини, осталась, наконец, одна на сцене. Достала маленький камертончик, нашла нужную тональность и щемяще-грустно запела свой родной *Negro spirituals*. «Я слышу музыку в воздухе... Должно быть, это Бог где-то здесь», — обращалась она то к оркестру, то к залу. «Я хотела бы иметь два маленьких крыла, чтоб улететь отсюда прочь».

Россия еще долго будет навостривать упущенное в своем живом знакомстве с выдающимися исполнителями. И здесь время ей не союзник.